

гда имеет пользу, когда расходуется на производственные нужды, ведущие не только к расширению, но и к интенсификации хозяйства. Выдача ссуд на потребительские, бытовые нужды, связанные с уплатой частных долгов, приобретением предметов домашнего обихода, проведением свадеб или похорон, признавалась нежелательной: ссуда быстро растрачивалась, вложенные средства в виде прибыли не возвращались, а крестьянин оставался с долговым обязательством перед кооперативом, продолжая вести своё хозяйство традиционными методами. Не случайно в назидание губернаторам как председателям губернских комитетов по делам мелкого кредита в специальном циркуляре из Петербурга писалось: «Кредит лишь тогда целесообразен, когда... направлен... на создание новых или увеличение существующих в данном хозяйстве или промысле источников доходов... Нет такого требования, которое следовало бы с большей настойчивостью предъявлять к учреждениям мелкого кредита... чтобы они твёрдо... держались выдачи производительных ссуд»¹⁶. Потребительские ссуды разрешалось выдавать ввиду исключительно тяжёлого материального положения заёмщика, оставшегося без средств к существованию. Именно таким предписанием руководствовались инспектора мелкого кредита и земские начальники Пензенской губернии, регулярно проводившие ревизии дел в кредитных учреждениях и настоятельно рекомендовавшие, выдавая производительные ссуды, пресекать их «нецелевое» использование.

«ВЕЛИЧАЙШИЙ АКТ ДЕРЗОСТИ»

Однако потенциальные возможности кооперативных структур в области кредитования пореформенной деревни резко расходились с реальными результатами их деятельности. В среднем каждый член кредитного товарищества в 1912 году имел возможность получить скромную ссуду в 56, а пайщик ссудосберегательного товарищества — в 68 руб. Но кооперативная практика кредитования сельских хозяев свидетельствует о том, что сумма кредита достигала 150–200 руб. Безусловно, в совокупности с землеустроительными ссудами в 150 руб. и безвозмездными пособиями в

20–80 руб. кооперативный кредит также не мог позволить крестьянину создать полноценное единоличное хозяйство. Но, в отличие от государственного бюджета, внебюджетный источник, каким становилась кооперативная сеть, мог наращивать свой финансовый капитал, а значит, развивать систему кредитования сельских хозяев. К примеру, правления многих кооперативов Пензенской губернии в 1914–1915 годах неоднократно обращались в Губернский комитет по делам мелкого кредита с ходатайством о разрешении повысить сумму выдаваемых ссуд до 200–300 руб. Возможности кооперативных учреждений в области финансирования преобразований в российской деревне представляются ещё более пространными при учёте данных об охвате населения Пензенской губернии кооперацией в целом. К 1912 году в 157 кредитных товариществах насчитывалось 102 100 членов при наличии 218 124 крестьянских хозяйств, существовавших на территории Пензенской губернии. К 1917 году сеть кредитных учреждений покрыла всю территорию губернии, охватив своей деятельностью от 1/2 до 2/3 её домохозяйств. Степень кооперированности домохозяйств представляется особенно значительной в сравнении с числом единоличных хозяйств, созданных к 1914 году в губернии, равным 19 799. Только небольшой размер ссуд, которые могли предоставить крестьянам-единоличникам учреждения мелкого кредита, привёл к тому, что хуторяне и отрубники оказались немногочисленными кооператорами. Среди членов кредитных учреждений в той же Пензе они составляли едва ли 6 процентов¹⁷. Остальные 94 процента приходились на крестьян-общинников, бравших ссуды всем «миром» и, объединив полученный капитал, улучшавших своё землепользование, приобретая в совместное владение и землю, и рабочий скот, и инвентарь. В учреждениях мелкого кредита большинство крестьян видели скорее один из источников поддержания своего традиционного хозяйства, нежели мощное средство его модернизации, стремясь создать своего рода страховой производственный фонд — гарантию от стихийных и социальных бедствий, ставших постоянным спутником российской деревни прошлого столетия¹⁸. От-

метим, что такой взгляд на кредитную кооперацию был характерен для всего крестьянства, проживавшего в Центральной России, где малоземелье в совокупности с проблемой аграрного перенаселения порождало сильную социальную напряжённость. Кредит, полученный в кооперативе, мог лишь поддержать трудопотребительский баланс общинного или единоличного крестьянского хозяйства, известных своей патриархальностью и замкнутостью. Иной была ситуация в других регионах страны. К примеру, на Дальнем Востоке, где не было засилья помещичьего землевладения, мелкие крестьянские собственники видели в кооперации не только форму социальной защиты, но и эффективного инвестора краевой аграрной экономики, способствующего становлению фермерского хозяйства классического типа¹⁹.

«Реформа стала действовать «неправильно»... как сильное лекарство при плохо поставленном диагнозе»²⁰, — отмечал отечественный исследователь.

Трудности в осуществлении столыпинских планов были вызваны не только полным несоответствием государственных интересов в области обеспечения продовольственной безопасности страны и создания на селе социальной базы существующему государственно-политическому режиму, «крестьянской мечте» о социализации земли, но и скудностью финансирования самой реформы. В условиях тяжелейшего финансового кризиса, вызванного социально-политическими катаклизмами начала XX века, правительственные проекты по государственному и внебюджетному финансированию аграрных преобразований так и остались всего лишь попытками закрепить новое землеустройство в деревне. С этой точки зрения столыпинская реформа стала, пользуясь выражением американского исследователя М. Левина, величайшим актом дерзости, предпринятым царским правительством в отношении крестьянства: не создав действенного механизма повышения рентабельности его хозяйства на основе единоличной формы владения, оно «вырвало» крестьянского мужика из лона общины и поставило на пороге не только сурового рынка сбыта, но и рынка средств производства, где выживал только сильнейший.

Примечания

1. Это подтверждает и постреволюционный опыт большевиков, приведший к полной «кархаизации» деревни. См. об этом: Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск. 2001. С. 170 и далее.
2. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об., 33 об.; Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства 1892–1917 гг. СПб. 1997. С. 208.
3. ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.
4. Там же. Д. 111. Л. 6–6 об., 31–31 об., 8–18, 34, 40.
5. Там же. Д. 5. Л. 30 об.

6. См., напр.: Ф. 45. Оп. 1. Д. 269 и другие.
7. Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М. 2001. С. 22–23.
8. Подсчитано по: ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 613. Л. 1–207.
9. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг. 1914. С. 118, 119.
10. Подробнее: Дякин В. С. Указ. соч. С. 208–339.
11. Давыдов А. Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 29.
12. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия...: Полн. собр. речей в

Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М. 1991. С. 58, 94, 251.
13. Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. М. 2004. С. 181, 182.
14. Дякин В. С. Указ. соч. С. 229, 230; Россия: 1913 г.: Статистико-экономический справочник. СПб. 1995. С. 190.
15. Белоглазов Ф. А. О долгосрочных ссудах 2-му Пензенскому губернскому съезду представителей учреждений мелкого кредита // Вестник Пензенского земства. 1914. № 1/2. С. 122.
16. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 2а. Л. 1 об.-2.
17. Подсчитано по: ГАПО. Ф. 78. Оп. 1.

Д. 982. Л. 1–95; Д. 817. Л. 67, 94 об., 200, 413 об.
18. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М. 2004. С. 82.
19. См. подробнее: Шагин Э. М. Фермерское хозяйство, его основные типы на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда. 2001. С. 210–211.
20. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М. 1992. С. 101.